

УДК 343. 151

DOI: 10.17223/22253513/40/3

М.Т. Аширбекова, Е.А. Зайцева

О СУЩНОСТНЫХ СВОЙСТВАХ ПРИГОВОРА

Анализируются черты приговора, традиционно определяемые в науке уголовно-процессуального права как его внешние свойства. Отмечается, что исключительность, обязательность, истинность и преюдициальность должны пониматься не как внешние, а как сущностные свойства приговора, которыми он должен обладать априори. Преюдициальность и презумпция истинности приговора основываются на юридической надежности выводов суда, обеспечиваемой ходом и результатом судебного разбирательства в общем порядке.

Ключевые слова: приговор; общеобязательность; исключительность; истинность; преюдициальность; стабильность.

Как известно, в науке уголовно-процессуального права при характеристике приговора как акта правосудия традиционно выделяют его внешние и внутренние свойства. Так, Ю.М. Грошевой в 1978 г. писал, что к внешним свойствам приговора относятся его исключительность, обязательность и законная сила, к внутренним свойствам – законность и обоснованность. При этом исследователь подчеркивал, что указанные внешние и внутренние свойства приговора взаимообусловлены [1. С. 13].

Со времени высказывания этого суждения Ю.М. Грошевым ученые, очевидно, с учетом происшедших общественно-политических изменений в государстве и, соответственно, изменений уголовно-процессуального закона стали расширять круг внешних свойств, которые, по их мнению, присущи приговору. Анализ суждений ученых показывает их единодушие в части признания внешними свойствами приговора таких качеств, как исключительность и общеобязательность. Данный базовый перечень дополняется разными исследователями с определенными различиями. Так, А.И. Ивенский в числе внешних свойств приговора указывает его стабильность [2. С. 5], Н.Н. Суханова считает, что свойствами (не называя их внешними) приговора являются законная сила и презумпция истинности [3. С. 15], а О.А. Александрова добавляет к базовому перечню такие качества, как неизменность и истинность приговора, причем последнее качество приводится ею наряду с преюдициальностью [4. С. 9–10].

Многообразие приведенных качеств, думается, происходит от того, что одно и то же свойство обозначается разными терминами. Так, стабильность, неизменность, неотменимость, неопровержимость, непоколебимость по своему смыслу совпадают. Наиболее подходящим термином для обозначения этого ряда качеств представляется понятие «стабильность», которое подчеркивает, что выводы суда, отраженные в приговоре, не должны

бесконечно подвергаться проверке. Но свойство стабильности оправдано выделять при условии признания других свойств приговора, а именно презюмируемой его истинности и, как следствие, – его преюдициальности. В дореволюционном правоведении, как отмечает Т.М. Алексеева, непоколебимость (стабильность) судебного решения рассматривалась как презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения и связывалась с принципом правовой определенности, который обеспечивает высокий авторитет суда, определенность процессуального статуса участников судопроизводства, соблюдение интересов общества [5. С. 17–19]. Безусловно, стабильность, презюмируемая истинность, а также преюдициальность приговора совокупно означают его правовую определенность (*res judicata*), из которой следует, что вступивший в законную силу приговор, которым уголовное дело разрешено по существу, должен пресекать дальнейшие споры по этому делу путем его пересмотра и проверки. Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов, как замечает В.А. Давыдов, в силу самой своей природы не согласуется и даже вступает в коллизию с принципом *res judicata* [6. С. 34–35].

Начало действия принципа правовой определенности в отношении приговора связано с его вступлением в законную силу. Соответственно, и обрисованные выше свойства приговора проявляются с наступлением этого юридического факта. Вместе с тем следует согласиться с мнением И.С. Дикарева, что неопровержимость, общеобязательность и исключительность присущи судебному решению и до его вступления в законную силу, поскольку пребывают в потенциальном состоянии [7. С. 73–74]. Думается, что эти и другие свойства приговора (стабильность, презюмируемая истинность и преюдициальность), называемые в науке уголовно-процессуального права внешними, на самом деле должны определяться как его внутренние, т.е. сущностные свойства. Приговор как акт судебного правоприменения должен им соответствовать априори. И обосновываться это должно тем, что приговор – индивидуальный акт поднормативного регулирования, переводящий веление закона из плоскости абстрактного в плоскость конкретного, т.е. к конкретному уголовно-правовому спору. В этом смысле приговор, как и любой правоприменительный акт, выступает дополнительным элементом механизма правового регулирования [8. С. 38], фиксируя достижение его конечной цели: то, для чего существует уголовный закон. В противном случае воздействие норм уголовного права на общественные отношения было бы сведено к нулю. Как отмечает М.К. Свиридов, «приговор является хотя и локальным, но регулятором общественных отношений. Те отношения, которые создаются, а затем и регулируются приговором, включаются в общий существующий в государстве правопорядок, становятся его частью» [9. С. 139]. Потому-то приговор и должен презюмироваться как истинный и, соответственно, обладать преюдициальной силой и быть стабильным.

Тем не менее полагаем, что необходимо определиться, какие свойства, именуемые в науке уголовно-процессуального права внешними, а в пред-

лагаемой нами терминологии – сущностными, относятся только к приговору. Начнем с понятия «законная сила» приговора. Известно, что оно толкуется в науке уголовно-процессуального права как качество, приравнивающее силу приговора к силе закона [10. С. 423], как выражение в нем требования уголовного закона [11. С. 158]. Как видится, в этих суждениях проводится мысль о том, что примененный закон сообщает свою силу приговору, выступая его юридической основой. Указание на приобретение этой силы содержится в п. 10 ст. 308 УПК РФ, предписывающей, что суд разрешает вопрос о применении к осужденному меры пресечения до вступления приговора в законную силу. Момент же приобретения приговором этой силы предусмотрен в ст. 390 УПК РФ, устанавливающей, что приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока для его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами. Вступление приговора суда первой инстанции в законную силу, кроме прочего, означает, что он из состояния неокончательного судебного решения переходит в состояние окончательного (хотя действующий порядок судебно-проверочного производства не позволяет полномасштабно оперировать понятием «окончательный приговор» в смысле невозможности последующего исследования фактических обстоятельств дела). Приговор же апелляционного суда вступает в законную силу непосредственно с момента его постановления, что также позволяет расценивать его как судебный акт, окончательно разрешивший вопросы факта по рассмотренному уголовному делу. Для того чтобы приговор считался окончательным, он должен «приобрести силу дела, разрешенного судом (быть закрытым для пересмотра с фактической стороны), стать неотменяемым (пересмотр окончательного судебного решения возможен только в рамках исключительных процедур и только по ограниченному кругу оснований)» [12. С. 98].

Думается, что и понятие «законная сила», и понятие «окончательный приговор» отражают юридическое состояние приговора, а не некое его свойство. Вступление приговора в законную силу, а значит, и в состояние окончательного правоприменительного решения, означает, что им уголовно-правовой спор все же определенно разрешен: реализация норм уголовного и уголовно-процессуального закона в связи с уголовным делом состоялась адекватно установленным судом уголовно-правовым (материальным) и уголовно-процессуальным правоотношениям, а вопрос о спорности этих отношений – исчерпан. Наступление указанного юридического состояния связано с запуском действия принципа правовой определенности (*res judicata*), который применительно к приговору, полагаем, действует лишь при условии наличия таких его свойств, как исключительность, общеобязательность, стабильность (неотменимость, неопровержимость, неизменность, непоколебимость), истинность и преюдициальность.

Однако законодатель в ст. 389.2 УПК РФ говорит и о не вступивших в законную силу иных судебных решениях. Отсюда можно предположить, что и иные судебные решения со вступлением в законную силу могут приобретать такие же значимые качества, как и приговор. Но так ли это?

При опоре на действующее законодательство как минимум презюмируемая истинность и преюдициальность распространяются только на приговор, притом не на каждый его вид. «В УПК РФ неоднократно встречается словосочетание “постановление приговора без судебного разбирательства” (ст.ст. 314, 316 УПК РФ). При разбирательстве таких дел суд отстранен от непосредственного исследования доказательств, на которых он будет основывать приговор. Один из важнейших принципов установления истины – непосредственности – исключен» [13. С. 91]. По этой причине приговоры, постановленные в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства, т.е. в соответствии со ст.ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, не наделяются преюдициальной силой (ст. 90 УПК РФ).

Такая позиция законодателя манифестирует, что истинность подобных приговоров даже не предполагается, так как очевидным сходством этих приговоров выступают изъятия из общего порядка доказывания, установленного УПК РФ, которые образуют специфику производства по уголовным делам указанных трех категорий.

Если для особого порядка «принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве имеет место упрощение процедуры доказывания в суде (при полноте отражения доказательственного материала в уголовном деле)», то для дознания в сокращенной форме «изъятия из процедуры доказывания проявляют себя еще в досудебном производстве в виде минимальных требований к выявлению обстоятельств дела, достаточных для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления (ст. 226.5 УПК РФ)» [14. С. 173]. В силу этого такие приговоры, а также все остальные итоговые судебные решения (например, постановление о прекращении уголовного дела), нелогично наделять свойством стабильности.

Однако данное обстоятельство не затрагивает свойства исключительности приговора и иных судебных решений. Под исключительностью приговора понимают «невозможность существования наряду с ним какого-либо иного решения по тем же вопросам» [11. С. 158]. Трактуют исключительность приговора и как запрет «повторного обсуждения и изменения отраженных в нем фактов и выводов» [15. С. 72], что близко по значению к стабильности (неизменности, непоколебимости). Как бы то ни было, ясно, что это свойство, если его рассматривать в приведенном значении, характеризует любой судебный правоприменительный акт. Свойство исключительности любого судебного акта означает, что по правовому спору, разрешенному им по существу, не может быть места иному конкурирующему акту. В свойстве исключительности также просматривается «строительный материал» для интегрированного понятия «правовая определенность» судебного акта. Что касается приговора, то его свойство исключительности дополняется тем, что только со вступлением приговора в законную силу подсудимый признается виновным в совершении преступления и может быть подвергнут наказанию (ст. 14 УПК РФ). Так или иначе, для приговора

исключительность приобретает дополнительные грани: решение исключительного вопроса о невиновности или виновности лица и решение исключительно, т.е. только судом, вопроса о назначении осужденному наказания либо об освобождении его от наказания (п. 28 ст. 5 УПК РФ).

Наравне с исключительностью всем видам судебных решений и приговору присуще свойство общеобязательности. Это понятно, так как не было бы смысла в судебной защите, если бы судебные акты не обладали свойством общеобязательности, питаясь авторитетом судебной власти и выражая ее значение в системе «сдержек и противовесов».

Наиболее сложно решение вопроса о стабильности (неизменности, неотменимости, неопровержимости, непоколебимости) приговора и иного судебного решения. Согласно УПК РФ приговор, как и иное судебное решение, после вступления в законную силу может быть отменен или изменен в связи с нарушениями, связанными с вопросами права, – установлением существенных нарушений уголовного закона или уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела (ст.ст. 401.6, 401.15 УПК РФ). А это означает, что нет заслона для инициации пересмотра приговора и иных судебных решений и по вопросам факта (п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ), причем в неограниченных сроках. Данное обстоятельство, понятно, не очень стыкуется с презумпцией истинности и преюдициальностью приговора. Вступивший в законную силу приговор в любое время до его обжалования может быть использован по правилам преюдиции в доказывании фактических обстоятельств в различных видах судопроизводства: при рассмотрении иных уголовных дел, а также в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. Как указано в ч. 4 ст. 61 ГПК РФ, «вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом». И хотя в данной гражданско-процессуальной норме говорится об обязательности приговора, речь, конечно, идет о его преюдициальной силе, поскольку суд освобождается от доказывания установленных этим приговором действий лица, имеющих юридическое значение для разрешения гражданско-правового спора.

Однако, несмотря на это, приговор суда ровно настолько нестабилен, насколько нестабильно иное судебное решение по уголовному делу. В этом состоит основной узел противоречия между свойством презумпции истинности приговора и его преюдициальной силой, с одной стороны, и стабильностью – с другой. Данное противоречие законодателем пока не снято.

Так или иначе, законодатель все же придает преюдициальное значение только приговору, постановленному по результатам судебного разбирательства, включающего исследование доказательств в судебном следствии в целях установления фактических обстоятельств уголовного дела (ст. 90 УПК РФ). Соответственно, возникает предположение, что преюдициальная сила приговора обусловлена ходом и результатом судебного следствия.

Однако и иные судебные решения, например постановления о прекращении уголовного дела, также могут постановляться на основе исследованных доказательств в судебном следствии, с полным проведением судебного разбирательства в общем порядке. Конечно, можно несколько затушевать значение судебного решения о прекращении уголовного дела, указав, что оно, во-первых, постановляется на любой судебной стадии, во-вторых, только по нереабилитирующим основаниям (исключение составляет прекращение уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения в суде – ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Тем не менее потребность теоретического обоснования преюдициальности приговора и взаимосвязанной с ней презумпции истинности данного судебного акта, а также стабильности приговора остается. В этой связи предположим, что эти свойства должны обуславливаться неким важным процессуально-правовым явлением, подтверждающим в том числе и исключительность приговора, а также его отличие от иных судебных решений.

Таким важным процессуально-правовым явлением, как представляется, выступает юридическая надежность выводов суда в приговоре по вопросам факта и права, обеспечиваемая всем ходом судебного разбирательства, проведенным в общем порядке или же с участием присяжных заседателей. В общей теории права высказано мнение, что результаты специальной фактоустановительной (доказательственной) деятельности, выраженные в правоприменительном акте (решении, приговоре суда), отражают разный уровень юридической надежности фиксируемых и удостоверяемых ими фактов, что обусловлено многими причинами, в том числе и тем, что сама фактоустановительная (доказательственная) деятельность различается по своей надежности [16. С. 310].

Применительно к приговору речь должна идти о такой степени юридической надежности, которая позволяет внешне подтверждать ее в приговоре правовым символом – указанием, что он постановлен именем Российской Федерации.

Одним из предназначений правовых символов является «закрепление и выражение социально значимого юридического содержания» [17. С. 23–24]. Полагаем, что термин-символ «Именем Российской Федерации» не может не нести глубокого смыслового содержания: он обозначает гарантию государства, подтверждение того, что в конкретном случае суть правосудия не была искажена.

Таким образом, на статус приговора как акта правосудия, подтвержденного вышеуказанной гарантией надежности, может притязать только приговор, постановляемый «в результате судебного разбирательства с проведением полного судебного следствия. Именно такой приговор должен постановляться от имени государства, поскольку способ формирования его фактической основы посредством полноценного судебного разбирательства отвечает условиям, обуславливающим его же юридическую надежность. Поскольку особый (сокращенный) порядок судебного разбирательства не предусматривает судебного следствия, то понятно, что технология

его формирования не отличается юридической надежностью. Как думается, такие приговоры не должны постановляться именем Российской Федерации: в них немного отличий от других итоговых судебных решений, например от решения (постановления, определения) о прекращении уголовного дела» [18. С. 77]. Использование при оформлении подобных приговоров внешнего атрибута юридической надежности – указание на постановление его «Именем Российской Федерации» нивелирует, обесценивает этот правовой символ.

Поэтому, полагаем, такие приговоры, постановленные в особом порядке, не только не должны «осеняться» символом юридической надежности, но и должны именоваться иначе, что позволит отличать их от приговоров – полноценных актов правосудия, обладающих всеми необходимыми сущностными чертами. Представляется вполне уместным в связи с этим отразить в названии указанных специфических приговоров «согласительную» природу такого судебного решения, выступающего итогом компромиссных процессуальных производств, и определить его «как согласительный приговор. В таком качестве он будет представлять отдельный вид обвинительного приговора. Особенность согласительного приговора в том, что он никогда не может быть оправдательным. Такого рода ограничение, происходящее из особенностей сокращенного судебного разбирательства, не исключает понимание такого приговора как квазиприговора» [19. С. 32–33].

Далее хотелось бы отметить, что приговор должен характеризоваться такими чертами, которые позволяли бы разглядеть его особость как акта судебного правоприменения, вносящего свой вклад в уголовно-правовое и уголовно-процессуальное регулирование. Иными словами, те черты приговора, которые в науке уголовно-процессуального права называются внешними, должны рассматриваться, наоборот, как внутренние, или сущностные, т.е. с позиции роли приговора в соответствующих механизмах правового регулирования, которые объективно задаются законодателем.

Полагаем, что к сущностным свойствам приговора оправдано относить, во-первых, те, что характерны для всех видов судебных решений (исключительность, обязательность), а во-вторых, те, что свойственны только приговору, постановленному в результате общего порядка судебного разбирательства и с участием присяжных заседателей (презумпция истинности приговора и преюдициальность). Наличие этих свойств приговора не зависит от суда как правоприменителя: не он их сообщает приговору, их наличие обусловлено самим характером судебной власти и издаваемых судами актов. Но те качества, которые в науке уголовно-процессуального права традиционно называют внутренними (законность, обоснованность, справедливость и мотивированность) [20. С. 11–12] и обеспечение которых требуется законом именно от правоприменителя, на наш взгляд, выступают как раз внешними свойствами приговора, т.е. привносимыми судом и отражающими качество правореализационной деятельности суда. Потому же несоответствие указанным сущностным свойствам приговора качества соблюдения судом требований законности, обоснованности, справедливо-

сти и мотивированности приговора искажает его смысл как акта правосудия. Это, к примеру, выражается в том, что возможный в силу судебной ошибки незаконный, необоснованный, несправедливый и немотивированный приговор искусственно будет представлен как судебный акт, обладающий свойствами исключительности, истинности и, соответственно, преюдициальности, в результате чего цели правового регулирования окажутся недостигнутыми.

Таким образом, подводя итог анализу юридически значимых свойств приговора, можно утверждать следующее.

1. Исключительность, обязательность, истинность приговора и его преюдициальность имманентно присущи приговору как акту индивидуального правоприменения, это его сущностные черты. Что же касается законности, обоснованности и справедливости приговора, то эти качества приобретаются им при соблюдении судом технологии судопроизводства, они приносятся судом «извне», что характеризует их с этой точки зрения как внешние свойства приговора.

2. Приговоры, постановленные в особом порядке, не обладают таким сущностным свойством, как преюдициальность, их истинность не презюмируется ввиду отсутствия должной юридической надежности, поэтому такие «согласительные» приговоры не должны постановляться именем Российской Федерации.

Литература

1. Грошевой Ю.М. Правовые свойства приговора – акта социалистического правосудия : учеб. пособие. Харьков : Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1978. 60 с.
2. Ивенский А.И. Приговор – акт правосудия, осуществляемого в общем и особом порядке судебного разбирательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 20 с.
3. Суханова Н.Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 24 с.
4. Александрова О.А. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 23 с.
5. Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 263 с.
6. Давыдов В.А. Возобновление судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М. : Юрайт, 2012. 313 с.
7. Дикарев И.С. Законная сила судебного решения в уголовном процессе // Судебные решения в уголовном судопроизводстве и их юридическая сила. Саратов : Кубик, 2015. С. 69–77.
8. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.
9. Свиридов М.К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 357. С. 139–142.
10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1970. Т. 2. 516 с.

11. Соколов О.В. Понятие оправдательного приговора как акта правосудия и особенностями вступление его в законную силу // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 1. С. 157–159.
12. Руковишникова А.А. Соотношение приговора, вступившего в законную силу, и окончательного приговора в уголовном процессе России // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 98–102.
13. Свиридов М.К. Судебная власть, ее проявления в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 86–93.
14. Зайцева Е.А. Ревизия преюдиции? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 170–175.
15. Блашкова Л. Исключительность приговора // Закон и право. 2008. № 9. С. 72–73.
16. Общая теория государства и права : акад. курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. М. : Серцало, 1998. Т. 2. 640 с.
17. Шарно О.И. Правовые символы как средства правоприменительной техники : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 32 с.
18. Аширбекова М.Т., Кудин Ф.М. Приговор как акт правосудия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 70–75.
19. Аширбекова М.Т., Тронева В.А. О некоторых видах приговора суда первой инстанции // Мировой судья. 2017. № 10. С. 30–35.
20. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 26 с.

Ashirbekova Madina T., Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, *Zaitseva Elena A.*, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Volgograd, Russian Federation)

ABOUT THE ESSENTIAL PROPERTIES OF THE SENTENCE

Keywords: sentence, generally binding nature, exclusivity, verity, prejudicialness, stability.

DOI: 10.17223/22253513/40/3

The article analyzes the features of the court sentence, which the science of criminal procedure law traditionally defines as its external properties. The authors justify that such traits of the sentence as exclusivity, obligatory, verity and prejudicialness should be understood not as external, but as essential properties of the sentence. This is explained by the fact that the sentence as an individual act of a sub-regulatory regulation is an additional element of the legal criminal and criminal procedure regulation mechanisms, strengthening their impact on public relations.

In this regard, the sentence a priori, regardless of the law-realization activities of the court, must have the properties of exclusivity, generally binding nature, verity and prejudicialness, because otherwise, the legal regulation will not achieve its purpose. This is the point of the sentence coming into force, and therefore, in the state of the final law enforcement decision, which means a certain resolution of the criminal dispute. The onset of the mentioned legal condition is associated with the launching of the principle of legal certainty, which applies to the sentence only if there are such properties as exclusivity, generally binding nature, stability (irrevocability, cogency, invariability, and steadfastness), verity and prejudicialness. Prejudicialness and the related presumption of truth are not characteristic of any court decision, but only the sentence, as they are based on the legal reliability of the court's conclusions, which is ensured by the course and the result of the trial, which includes the proof in the judicial investigation.

Therefore, legal reliability is inherent only in the court's findings obtained during the trial, which is conducted in general order - without exemption from traditional fact-establishment

procedures. In the case of the sentence, it should be a degree of legal reliability that allows it to be confirmed externally in the sentence by a legal symbol, i.e. the indication that it is ruled in the name of the Russian Federation.

It is substantiated that the sentences, which were ruled in a special order, are illogical to confer on the property of stability because of the lack of legal reliability, which should not only be externally confirmed by the ruling on behalf of the Russian Federation but be also ensured by the entire course of the trial with a full-fledged judicial investigation. Such sentences, which were ruled in a special order, should not only be "blessed" by the symbol of legal reliability but should also be called in a different way, that will distinguish them from the sentences - full-fledged acts of justice, having all the necessary essential properties. It is argued that the reflection of the "conciliatory" nature of such a court decision, which is the result of compromise proceedings in the names of the above sentences, is appropriate. It is proposed to call it a "conciliation sentence" - as such it will represent a separate type of conviction.

References

1. Groshevoy, Yu.M. (1978) *Pravovye svoystva prigovora – akta sotsialisticheskogo pravosudiya* [Legal properties of a sentence as of an act of socialist justice]. Kharkov: Lharkov Law Institute.
2. Ivenskiy, A.I. (2006) *Prigovor – akt pravosudiya, osushchestvlyаемого v obshchem i osobom poryadkakh sudebnogo razbiratel'stva* [A verdict is an act of justice carried out in the general and special procedures of judicial proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
3. Sukhanova, N.N. (2008) *Postanovlenie opravdatel'nogo prigovora v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Acquittal in Russian criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Irkutsk.
4. Aleksandrova, O.A (2005) *Opravdatel'nyy prigovor v ugolovnom protsesse: teoreticheskie osnovy i pravoprimeritel'naya praktika* [Acquittal in the criminal process: theoretical foundations and law enforcement practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
5. Alekseeva, T.M. (2015) *Pravovaya opredelennost' sudebnykh resheniy v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie, znachenie i predely* [Legal certainty of court decisions in criminal proceedings: concept, meaning and limits]. Law Cand. Diss. Moscow.
6. Davydov, V.A. (2012) *Vozobnovlenie sudoproizvodstva vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebnykh oshibok* [Resumption of legal proceedings due to new or newly discovered circumstances: theory and practice of correcting judicial errors]. Moscow: Yurayt.
7. Dikarev, I.S. (2015) *Zakonnaya sila sudebnogo resheniya v ugolovnom protsesse* [Legal force of a court decision in criminal proceedings]. In: *Sudebnye resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve i ikh yuridicheskaya sila* [Court decisions in criminal proceedings and their legal force]. Saratov: Kubik. pp. 69–77.
8. Alekseev, S.S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in a socialist state]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
9. Sviridov, M.K. (2012) Maintenance of stability of a sentence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 139–142. (In Russian).
10. Strogovich, M.S. (1970) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The Soviet Criminal Procedure]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
11. Sokolov, O.V. (2009) *Ponyatie opravdatel'nogo prigovora kak akta pravosudiya i osobennosti vstupleniya ego v zakonnyuyu silu* [The concept of an acquittal as an act of justice and its entry into legal force]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo institute – Bulletin of Vladimir Law Institute*. 1. pp. 157–159.

12. Rukovishnikova, A.A. (2015) Correlation of the sentence came into legal effect and final judgment in criminal procedure of Russia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 1. pp. 98–102. (In Russian).
13. Sviridov, M.K. (2018) Judicial authority and its manifestation in criminal trials. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 27. pp. 86–93. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/27/9
14. Zaytseva, E.A. (2015) Reviziya preysuditsii? [Prejudice revision?]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 4(35). pp. 170–175.
15. Blashkova, L. (2008) Isklyuchitel'nost' prigovora [The exclusivity of the sentence]. *Zakon i pravo*. 9. pp. 72–73.
16. Marchenko, M.N. (ed.) (1998) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Vol. 2. Moscow: Zertsalo.
17. Shamo, O.I. (2014) *Pravovye simvoly kak sredstva pravoprimenitel'noy tekhniki* [Legal symbols as a means of law enforcement technology]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
18. Ashirbekova, M.T. & Kudin, F.M. (2017) Sentence as an act of justice. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*. 3. pp. 70–75. (In Russian).
19. Ashirbekova, M.T. & Troneva, V.A. (2017) On Some Types of Sentence Imposed by First Instance Court. *Mirovoy sud'ya – Magistrate Judge*. 10. pp. 30–35. (In Russian).
20. Bunina, A.V. (2005) *Prigovor suda kak akt pravosudiya. Ego svoystva* [The verdict of the court as an act of justice. Its properties]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.